

**Вопрос о смерти как вопрос о зле в философии архимандрита Феофана
(Авсенева)****Научный руководитель – Варава Владимир Владимирович*****Ряполов Сергей Владимирович****Аспирант*

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

E-mail: poincareconjecture@yandex.ru

Вопрос о смерти в русской философии принято считать, пожалуй, одним из центральных [4]. К нему, так или иначе, обращаются практически все представители оригинальной русской философии, а, шире, всей русской философской культуры, под которой мы понимаем как собственно русскую философию во всем ее многообразии, так и философское содержание в русской литературе, публицистике, богословии, искусстве и других формах культуры. И.А. Ильин указывает, что даже «история русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его <...> духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости» [5, С.111], то есть идеями, непосредственно связанными с этическим измерением человеческого бытия.

Особенное место в русской культуре философского осмысления смерти не случайно. К.Г. Исупов пишет: «Музыкой смерти переполнен космос нашей культуры» [6, С.112]. Тем не менее, замороженность смертью не означает ее приятие. «Величайшее из бедствий» (о. Феофан (Авсенева)), «болезнь бытия» (о. Сергей (Булгаков)), «зловещее клеймо изначальной трагедии» (о. Георгий (Флоровский)), именно так описывают наличное состояние бытия, ужаленного смертью, представители русской философии, в рамках которой формируется оригинальная этика неприятия смерти [4]. С.Г. Семенова пишет: «Русская душа особенным образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; ее глубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*» [7, С. 265]. Эту мысль очень точно выразил в «Записках сумасшедшего» Л.Н. Толстой: «Я живу, жил, я должен жить, и вдруг - смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть?.. Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придет? Боюсь еще хуже. Жить, стало-быть. Зачем? чтоб умереть?» [8, С. 11].

В опубликованной в 1869 г. в Киеве работе «Из записок по психологии» о. Феофан (Авсенева) отмечает, что смерть «совмещает в себе все те болезни, потери и унижения, какие в течение жизни поражают душу и тело порознь» [1, С. 291]. Смерть, таким образом, понимается не просто как зло, а как наивысшее проявление зла в мире, и потому вопрос о смерти становится не только вопросом онтологии, но и вопросом этики. «Как ни естественна человеку смерть при настоящем устройстве природы, однако он может с достоверностью гадать, что она есть некоторое чуждое истинному существу вещей пришлое зло» [1, С. 293], пишет о. Феофан (Авсенева).

Эта невозможность принять смерть, примириться с ней и порождает ту «мировую скорбь», о которой писал Н.Ф. Федоров: «Скорбь сына над смертью отца есть истинно мировая, потому что эта смерть, как закон (или, вернее, как неизбежная случайность) слепой природы, не могла не отозваться сильною болью в существе, пришедшем в сознание, в существе, через которое может и должен осуществиться переход от мира слепой

природы к миру, в котором царствует сознание и в котором потому и не должно быть места смерти» [9, С. 137]. По о. Феофану (Авсенева), «человек и должен быть и был некогда бессмертен не только по душе, но и по телу» [1, С. 293]. Н.А. Бердяев отмечает относительно философской системы В.С. Соловьева: «По мнению Вл. Соловьева, есть два отрицательных начала - смерть и грех и два положительных желания - желание бессмертия и желание правды» [2, С. 197-198]. У о. Феофана (Авсенева) смерть и грех так же оказываются объединены, одно проистекает из другого: «Смерть могла быть только следствием, или лучше - явлением расторгнутого союза между Творцом и тварию» [1, С. 293]. Если человек изначально был бессмертен, в чем, по утверждению о. Феофана (Авсенева), нас убеждают и доводы разума, и существующий в природе и в человеке «отголосок первоначального, лучшего порядка вещей» [1, С. 293], то смертность человека не является его изначальной сущностью, поскольку «Бог, как чистая жизнь, не мог быть источником или творцом смерти» [1, С. 293], и сам человек «как существо, по самому понятию своему соединенное с Богом, как причастник жизни Божией, должен быть изъят из закона смерти» [1, С. 293].

Невозможность примириться с собственной смертностью, неприятие смерти формирует в русской философии целую линию оригинальных мыслителей, в работах которых актуализируется тема преодоления смерти. Безусловно, к их числу следует отнести архимандрита Феофана (Авсенева). Сформировав свою философскую систему под несомненным влиянием традиции немецкой мистической философии, немецкого романтизма и шеллингианства, он, тем не менее, выстроил ее вокруг православного учения о человеке, фундаментального принципа неприятия смерти как наивысшего проявления зла в мире, как следствия расторжения союза между Творцом и тварью и веры в возможность восстановления этого союза во всей полноте, преодоления греха и смерти, достижения бессмертия.

Источники и литература

- 1) Авсенева П.С. Из записок по психологии. СПб., 2008.
- 2) Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2016.
- 3) Варава В.В. Этика исчезающей благодати. Воронеж, 2003.
- 4) Варава В.В. Этика неприятия смерти. Воронеж, 2005.
- 5) Ильин И.А. О русской идее // О русском национализме. Сборник статей. М., 2007. С.109-122.
- 6) Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. №3. С.106-114.
- 7) Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994.
- 8) Толстой Л.Н. Записки сумасшедшего // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1913. Т. XX. С.5-13.
- 9) Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.